

УДК 37.01

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-3-50-59

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ ИЗМЕНЕНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ В XVIII ВЕКЕ

Фанталов А. Н.¹, Малязина М. А.²

¹ Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования
191002, г. Санкт-Петербург, ул. Ломоносова, д. 11/13, Российская Федерация

² Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
191186, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, д. 48, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Рассмотреть историко-культурные предпосылки и характер траектории исторической динамики изменения высшего образования в социо-культурном пространстве Санкт-Петербурга.

Процедура и методы. При проведении исследования использовались сравнительно-исторический метод (благодаря которому мы можем вычленить общее и частное в исторических явлениях, этапы и тренды их развития) и системный метод (соответствующий нашим типологическим представлениям о системе высшего образования как подсистеме структуры более высокого порядка – социокультурной системы России и Западной Европы в целом).

Результаты. В работе рассмотрены и охарактеризованы этапы развития системы образования в Санкт-Петербурге и России в XVIII веке. Представлена характеристика данных этапов и их эволюции в течение определённого исторического периода.

Теоретическая и/или практическая значимость. На основании исторических источников были выявлены особенности создания и развития системы образования в России и Санкт-Петербурге в XVIII в.: её включённость в культурно-исторический контекст Западной Европы; англо-французское противостояние в европейской политике данного исторического периода; ключевая роль в процессе создания и развития системы образования в России императорского правительства.

Ключевые слова: российское образование, Санкт-Петербург, XVIII век

HISTORICAL AND CULTURAL PREREQUISITES OF THE HISTORICAL DYNAMICS OF CHANGES IN HIGHER EDUCATION IN ST. PETERSBURG IN THE 18TH CENTURY

A. Fantalov¹, M. Malyazina²

¹ Saint Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education
ul. Lomonosovskaya 11/13, St. Petersburg 191002, Russian Federation

² The Herzen State Pedagogical University
nab. Moiki 48, St. Petersburg 191186, Russian Federation

Abstract

Aim. To consider historical and cultural prerequisites and the nature of the trajectory of historical dynamics of changes in higher education in the socio-cultural space of St. Petersburg.

Methodology. During the study, the comparative-historical method was used (which allows us to identify by comparison the general and special in historical phenomena, the stages and trends of their development) as well as the systemic method (which corresponds to our ideas about the system of higher education as a subsystem of the structure of a higher order – the socio-cultural system of Russia and Western Europe as a whole).

Results. The paper considers and characterizes the stages of development of the education system in St. Petersburg and Russia in the 18th century. The article contains a description of these stages and their evolution during this historical period.

Research implications. Based on the historical sources, the following factors of creation and development of the education system in Russia and St. Petersburg in the 18th century were revealed: its involvement in the cultural and historical context of Western Europe; the Anglo-French dualism of European politics of this historical period; a decisive role in the creation and development of the education system in Russia of the imperial government.

Keywords: Russian education, St. Petersburg, 18th century

Введение

XVIII в. – основополагающий для российского образования, которое динамично изменялось и прошло траекторию развития от церковного обучения до университетского образования, с одной стороны, и от утилитарного подхода при Петре I до этического подхода в образовании при Екатерине II, с другой. Такова была историческая динамика.

Для упрощения процесса преобразования России Петр I учредил столицу Российской империи в новом городе – Санкт-Петербурге, основанном им в 1703 г. и практически игравшем роль лаборатории развития страны в целом и в создании высшего образования в частности. «Интерпретируя мысли Э. Д. Днепров, источниками любой образовательной реформы являются педагогическая мысль (мировая и отечественная), передовая педагогическая практика, идеологическая ситуация. Поэтому образовательные реформы всегда реализуют социально-политические и собственно образовательные задачи. Новое общество нельзя построить без нового образования, нужно его опережающее развитие, особенно в современном мире» [15].

Следует отметить, что данное высказывание представляется нам совер-

шенно верным. Поэтому в нашей статье прежде всего мы постараемся оценить социально-политическую и культурную обстановку в Европе накануне и во время петровских преобразований, а также то, как она отразилась на создании целого ряда высших учебных заведений в Санкт-Петербурге XVIII в. (и на основании самой северной столицы России).

Общеизвестно, что европейская цивилизация к началу XVIII столетия уже достаточно долгое время пребывала в эпохе Нового времени (в отечественной историографии переход от Средневековья к Новому времени связывают с Нидерландской (конец XVI в.), либо Английской (1642–1645 гг.) буржуазной революциями).

С точки зрения периодизации культуры, научной и общественной мысли, данный период именуется эпохой Просвещения. Обращение к работам методологов в области истории образования позволяет констатировать, что именно в данный исторический период «в теоретическом разуме утвердилось представление о всесии интеллекта, познающего законы мира и переустраивающего его на рациональной основе. Это обусловило признание особой ценности научного и технического прогресса. Пристальное

внимание к педагогической проблематике объяснялось в XVIII в. уверенностью в возможности преобразования общества в соответствии с умопостигаемой природой человека посредством просвещения народа, выращивания «новой породы людей», способной организовать социальную жизнь на началах разума и справедливости» [7].

Кроме того, этот период характеризуется рядом особенностей, среди которых для нас особенно важны: постепенная секуляризация общества и формирование светского типа культуры, складывание абсолютистских монархий, бурный рост научного знания.

Западная Европа в XVIII в.

В предшествующий исторический период именно к концу XVII в. во Франции периода правления Людовика XIV был создан образец абсолютистского государства (от лат. *absolutus* – безусловный), который потом был заимствован большинством стран Европы (Россией, Испанией, Пруссией, Австрией, Швецией, рядом небольших германских государств). Данный режим управления характеризовался концентрацией в руках монарха исполнительной и законодательной власти, унификацией местного управления, милитаризацией, вмешательством государства в экономику («политика меркантилизма»).

С политической точки зрения, Западная Европа и некоторые другие территории в конце XVIII в. оказались поделены на 2 противостоящих друг другу блока: французский и англо-германский. Как отмечает целый ряд историков¹, это ярко проявилось в двух войнах: войне Аугсбургской лиги (1688–1697) и войне за Испанское наследство (1701–1714). Франции здесь противостояли Англия, Австрия, Голландия, Португалия, Савойя и некоторые немецкие государства. С учётом того, что войны протекали и в

американских колониях, французы сумели привлечь к борьбе со своими противниками Османскую империю, а их оппоненты против турков – Иран, данное противостояние можно считать общеевропейским, и даже «мировым» [6].

Следует отметить, что дипломатическая борьба между обеими коалициями велась не менее активно, чем война настоящая, причём не только посредством официальных представителей, но и тайных агентов, которыми де факто являлись многие известные европейские «авантюристы» XVIII в.

Гегемонистская политика Людовика XIV («Короля-Солнце») многими участниками конфликта воспринималась как попытка нарушить принципы Вестфальского мира, установленного по итогам Тридцатилетней войны в 1648 г. и сформировавшейся тогда Вестфальской системы:

«Основные принципы Вестфальской системы международных отношений:

- приоритет национального интереса;
- принцип баланса сил;
- приоритет государств-наций;
- принцип государственного суверенитета;
- право требовать невмешательства в свои дела;
- равенство прав государств;
- обязательство выполнять подписанные договоры;
- принцип действия международного права и применения дипломатии в международных отношениях – соблюдение договоров стало важнейшим элементом такой практики, а международное право и регулярная дипломатическая практика – неотъемлемым атрибутом отношений между государствами»².

В войнах Аугсбургской лиги и за Испанское наследство решалось, станет ли Франция бесспорным гегемоном, или на Европейском континенте сформируются

¹ Военная энциклопедия / под ред. В. Ф. Новицкого и др. СПб.: Т-во И. Д. Сытина, 1911–1915.

² Вестфальская система международных отношений // Академик: [сайт]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/625207> (дата обращения: 03.05.2022).

«равновесие» и «концерт» независимых государств. Для нас особенно важно, что параллельно с Войной за испанское наследство в Восточной и Центральной Европе протекала Великая Северная война (1700–1721). Совпадение начальных дат не случайно. Швеция и Османская империя (Турция) уже были втянуты в орбиту французской политики. Турки на балканском фронте оттягивали немалые силы австрийцев. Появление же первоклассной шведской армии на полях сражений войны за испанское наследство могло бы привести к перелому в её ходе в пользу Людовика XIV. Поэтому и возник проект войны со шведами.

Данная война имела и глубокие региональные причины. Так, в течение всего XVII в. происходило постоянное усиление Шведского королевства, которое жёстко контролировало почти весь северный берег Балтики и значительную часть южного, стремясь к превращению его во «внутреннее шведское озеро» и к монополии на балтийскую торговлю. В этом Швеция ущемляла интересы России, Дании и Польши (с последними двумя она весь XVII в. вела изнурительные кровопролитные войны). Обращает на себя внимание также тот факт, что политико-культурная ситуация в русском государстве – России – сложилась следующая. После Смутного времени (1598–1613 гг.) в стране установилось правление династии Романовых, одной из отличительных черт которого практически с самого начала являлся интерес к техническим и культурным достижениям стран Западной Европы и стремление к упрочению связей с ними.

Культурно-историческое развитие России в XVII–XVIII вв.

Уже при первом царе новой династии Михаиле Федоровиче (1613–1645 гг.) были заведены такие «новшества», как организация полков «нового строя» (рейтарского, драгунского, солдатского), первая русская газета «Вестовые письма»,

Немецкая слобода в Москве – место для поселения иностранных инженеров и военных специалистов.

Эти тенденции были значительно усилены в царствование сына и преемника Михаила Федоровича – царя Алексея Михайловича (1645–1676 гг.). Основными направлениями его внешней политики была борьба с Польшей (Речью Посполитой) за западнорусские земли, конфликты с Турцией (особенно её вассалом Крымским ханством) и Швецией. Таким образом, Россия объективно постепенно втягивалась в антифранцузский блок.

При этом здесь происходило столкновение 2 европейских влияний – католического и протестантского. Культурное воздействие Польши часто недооценивают. Вместе с тем прокатолической и отчасти пропольской ориентации придерживалось правительство царевны Софьи (осуществлявшей регентство при двоецарствии Ивана и Петра в 1682–1689 гг.) и её фаворита Василия Голицына. Кстати, многие представители аристократической семьи Голицыных тайно исповедовали католицизм, в который их привлекли иезуитские патеры¹.

Следствием подобной политико-культурной ориентации явилось создание в Москве в 1687 г. Славяно-греко-латинской академии (в которой успел поучиться знаменитый М. В. Ломоносов). После воцарения Петра I в 1689 г. произошло переключение российской дипломатии на протестантские страны Европы – Англию, Голландию, Северную Германию, и началась борьба за выход к Балтике. Следствием данного курса и было основание Санкт-Петербурга в качестве «окна в Европу».

В то же время развитие образования в России приняло иное направление.

Отметим уникальность правления Петра I: около половины времени своего царствования он провёл за пределами России. Помимо отлучек, вызванных во-

¹ Голицын М. А. // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. 82 т. Спб., 1893. С. 50.

енными надобностями, Пётр совершил два путешествия в Европу, каждое из которых длилось около 2 лет.

О «великих реформах» Петра написано очень много [2], здесь же нам следует отметить высокую степень их утилитарности и практикоориентированности. В частности, характер реформ диктовался, прежде всего, нуждами войны. Начатки образования, внедряемые или намечаемые при Петре I, были связаны с непосредственной подготовкой морских и сухопутных офицеров, либо с созданием военной промышленности. При этом во все новосозданные сферы деятельности привлекалось изрядное количество иностранных специалистов (хотя ключевые должности в основном оставались за русскими подданными царя). Среди иностранных специалистов преобладали выходцы из протестантского (англо-голландско-немецкого) блока Северной Европы, хотя присутствовали также французы и итальянцы (более в сфере архитектуры и изобразительного искусства).

В ряде случаев нововведения Петра обгоняли организацию соответствующих образовательных институций в других странах Европы.

После смерти Петра I после недолгого правления его супруги Екатерины I, а затем внука, Петра II, к власти пришла племянница Петра I Анна Иоанновна (1730–1740). Её слабо очерченное «правительство», а точнее, конгломерат нескольких элитных групп: двор (оберкамергер Э. Бирон и обергофмаршал Р. Левенвольде), кабинет-министры (А. Остерман, Г. Головкин, А. Черкасский и др.), генерал-фельдмаршал Б. Х. Миних, в целом, продолжало курс Петра I, хотя и не столь энергично и последовательно. «...Основным результатом аннинского царствования стала, прежде всего, стабилизация и упрочение основ политико-административной и социально-экономической системы, созданной Петром I» [12].

Это же отразилось и на учебных заведениях, особенно петербургских. В

период развития «утилитарной» образовательной политики великого реформатора был создан Сухопутный кадетский корпус, оказавшийся одним из самых успешных учебных заведений (и не только военных). В это время правительство Российской империи продолжало сохранять политико-культурную ориентацию на антифранцузский блок, прежде всего, Англию и Австрию с преобладающим протестантским влиянием.

Важен также тот факт, что именно после смерти Анны Иоанновны (1740 г.) произошло короткое междуцарствие. На престол был коронован её внучатый племянник Иоанн Антонович при регентстве сперва Э. Бирона, затем его матери Анны Леопольдовны. В этот год, заполненный борьбой придворных партий, никакой смены курса не произошло [8].

При этом после переворота Елизаветы Петровны (1741 г.) была предпринята попытка сменить направление в политике с англо-австрийского на французское (поскольку дипломатия Людовика XV руками посланника маркиза де ла Шетарди оказала большую организационную и финансовую поддержку в свержении Иоанна Антоновича и Анны Леопольдовны). Однако Франция могла предложить России лишь вернуться к относительно изоляционистской политике XVII в., что было уже абсолютно неприемлемо для российской элиты. Поэтому, несмотря на личные симпатии к Франции и французской культуре, после нескольких лет колебаний Елизавета Петровна под влиянием своего канцлера А. Бестужева-Рюмина вернулась к союзу с Австрией.

Обращение к историческим исследованиям [5] показывает, что канцлер Елизаветы Петровны А. П. Бестужев-Рюмин придерживался своей знаменитой политической «системы», в рамках которой Россия, Австрия (формально Священная римская империя германской нации) и Англия противостоят Турции, Пруссии и Франции (по сути – профранцузскому блоку). Такая политика была обоснована,

однако нарушилась в результате «дипломатической революции» 1756 г., отчасти подготовленной австрийским канцлером Кауницем. «Дипломатическая революция (или переворачивание альянсов), последовавший за Вторым Аахенским миром разрыв старых дипломатических союзов, на протяжении многих десятилетий связывавших Францию с Пруссией, а Англию – с Австрией и создание новых – англо-прусского и австро-французского, была формализована Вестминстерской конвенцией (январь 1756 г.) Англии и Пруссии и двумя версальскими договорами Австрии и Франции, что и определило расклад сил в Европе накануне Семилетней войны» [7].

Таким образом, Россия в период правления Елизаветы Петровны оказалась втянутой в масштабную Семилетнюю войну (1756–1762 гг.) в альянсе с Францией, Австрией, Саксонией и Швецией против Англии и Пруссии. Военные столкновения с лучшей на тот момент в Европе прусской армией короля Фридриха II были достаточно успешными для русских войск (на стороне которых, правда, всегда было численное преимущество), но и показали необходимость улучшения подготовки офицерского состава. Поэтому, по приказанию начальника артиллерии графа П. И. Шувалова 22 августа 1758 г., в разгар Семилетней войны после объединения петербургских Инженерной и Артиллерийских школ, была создана Соединённая артиллерийская и инженерная школа.

Необходимо отметить, что во времена правления Елизаветы Петровны политика в области образования постепенно теряет слишком ярко выраженный петровский утилитаризм и милитаризм и возникают такие учреждения, как Академия художеств и Пажеский корпус. Последний, в сущности, не имел аналогов в Европе, где роль пажей играли обычно те же кадеты. Характерно, что организатором Пажеского корпуса был француз барон де Чуди («Щуди»), что отчасти яв-

лялось следствием не до конца реализованных профранцузских симпатий Елизаветы Петровны (Чуди был секретарем франкофила И. Шувалова) [10].

После кончины императрицы Елизаветы Петровны в 1761 г. в России вновь наступил краткий период нестабильности [4]. К власти пришел её официальный наследник Пётр III, за 182 дня правления которого с необычайной интенсивностью было принято 192 документа (манифесты, указы, резолюции), в т. ч. Манифест о вольности дворянства. Во внешней политике был также произведён резкий переход – из противника Пруссии, Россия превратилась в её союзника.

Интересно, что вскоре Пётр III был свергнут собственной супругой, будущей императрицей Екатериной II, при активном пособничестве английского посла Кейта. Таким образом, в российской политике вновь возобладали английское влияние. Придя к власти в результате переворота 1762 г., фактической смены курса Екатерина не произвела, оставив большинство из основных указов и решений последнего. Не изменила она и внешнеполитический курс, продолжая опираться на союз с Фридрихом II и дружбу с Англией всю первую половину своего царствования.

Несмотря на то, что во вторую половину царствования Екатерины II в её политике произошла определённая переориентация, отношения с Пруссией охладели, и ближайшим союзником стал австрийский император Иосиф II, Россия так и не примкнула к французскому политическому блоку [9]. Таким образом, относительно близкие отношения с Францией, которые установились на короткое время в период царствования Елизаветы Петровны, в конечном счёте остались эпизодом в российской истории XVIII в. Экономические интересы России оказались накрепко связаны с английской экономикой, с продажей в Англию сырья (леса, пеньки и др.) и приобретением промышленного английского ширпотреба.

Тем не менее культурное влияние Франции ощущалось достаточно сильно. Если во времена Петра I оно выразилось в заимствовании определённых институций централизованной милитаристской монархии, а при Елизавете Петровне царило очарование французской роскоши и эстетики, то при Екатерине II в Россию проникли этические воззрения французских просветителей, восприятие которых уже было подготовлено предшествующими царствованиями. В этом аспекте следует рассматривать деятельность И. И. Бецкого на посту президента Императорской академии художеств (1763–1795 гг.) и инициатора Смольного института (созданного по образцу Института Святого Людовика во Франции).

На основании вышеизложенного можно утверждать, что культурно-историческое развитие России протекало в русле основных тенденций развития европейской цивилизации, являвшейся основным субъектом социально-политического и научно-культурного развития в рассматриваемую эпоху. Следует отметить, что Западная Европа конца XVII–XVIII вв. характеризуется в политическом смысле как противостояние «французского» и «английского» блоков. Этот политический дуализм определил основную ось культурного развития на континенте, в т. ч. и в сфере образовательной политики.

С другой стороны, англо-французский дуализм вовлекал в свою орбиту и другие страны Европы, и Россию, т. е. Санкт-Петербург как своеобразное «окно в Европу» (по крылатому выражению Ф. Альгаротти, известного в то время специалиста в сфере коллекционирования предметов искусства) имел 2 стороны [1; 3]. Таким образом, во взаимодействии с макрополитическими событиями в Европе постепенно происходит определённая смена акцентов в образовательной политике в Российской империи, которую можно сформулировать как переход «от утилитарного милитаризма – к эстетизму, а позднее – к этизму».

Заключение

Итак, с большой долей уверенности мы можем говорить о том, что Россия в XVIII в. не только сознательно отбирала элементы европейской цивилизации для внедрения на собственную почву, но и сама становилась объектом целенаправленного воздействия со стороны европейских гегемонов, оспаривающих её друг у друга. В балансировании между данными влияниями состояла специфика существования России в XVIII в. В попытке привести основные социальные, в т. ч. и образовательные, институты Российского государства и общества в соответствие с «европейскими» стандартами беспрецедентно значительная (почти «демиургическая») функция принадлежала российскому самодержцу, а точнее, императорскому «правительству», которым являлась зачастую нечётко оформленная и «текущая» группа лиц и институций.

С учётом того обстоятельства, что данное время в России было эпохой дворцовых переворотов, нас не должно удивлять, что состав данных «правительств» перманентно изменялся. Одновременно трансформировался и состав верховных учреждений Российской империи. В царствование Петра I главным учреждением был Правительствующий Сенат; при Анне Иоанновне – Кабинет министров; при Елизавете Петровне – Конференция при Высочайшем дворе; при Петре III – Императорский Совет; Екатерине II – Совет при Высочайшем дворе [11].

В отсутствии гражданского общества в России того времени от ближнего окружения российских императоров и императриц зависело в очень большой степени развитие высшей школы в Санкт-Петербурге как в столице Российской империи. При этом следует сказать, что особого учреждения, которое отвечало бы за вопросы организации и реформирования высшего образования, в Российской империи в данную эпоху не имелось, а соответствующие учреждения курировались по «отраслевому» принципу.

Так, например, А. И. Остерман, глава Кабинета, сосредотачивающийся в нём на иностранных и «морских» делах, являлся куратором Морской академии, много сделавшим для её развития [13].

Другой член кабинета министров Анны Иоанновны Б. Х. Миних (курировавший военные и инженерные вопросы) сам лично создавал Сухопутный кадетский корпус [14].

Одновременно один из влиятельных членов елизаветинской Конференции – И. И. Шувалов явился основателем Академии художеств и куратором создания Пажеского корпуса [10]. При этом важно отметить, что все рассматриваемые высшие учебные заведения заявленного исторического периода учреждались императорскими указами (только Академия

художеств была учреждена постановлением правящего Сената).

В целом на основании вышеизложенного можно утверждать, что ведущими факторами создания и развития системы образования в России и Санкт-Петербурге в XVIII в. были:

1. вовлечённость политического и культурного развития России в культурно-исторический контекст Западной Европы того времени;

2. англо-французское противостояние, бывшее «осью» европейской политики данного исторического периода;

3. ключевая роль российского императорского правительства, состав которого постоянно менялся.

Дата поступления в редакцию 19.01.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Альгаротти Ф. Русские путешествия. Письма о России / пер. с итал. М. Талалая. СПб.: Круга, 2006. 173 с.
2. Анисимов Е. В. Время петровских реформ. Л.: Лениздат, 1989. 496 с.
3. Анисимов М. Ю. Российская дипломатия в Европе в середине XVIII века: От Ахенского мира до Семилетней войны. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. 344 с.
4. Егоров В. И. Голштинские войска и дворцовый переворот 1762 года. М.: Фонд «Русские Витязи», 2016. 120 с.
5. Емелина М. А. Алексей Петрович Бестужев-Рюмин. // Вопросы истории. 2007. № 7. С. 29–45.
6. Ивонина Л. И. Война за испанское наследство. Смоленск: СмолГУ, 2010. 318 с.
7. Корнетов Г. Б. Реформаторы образования в истории западной педагогики: учеб. пособ. М.: АСОУ, 2007. 119 с.
8. Курукин И. В. Анна Леопольдовна. М.: Молодая гвардия, 2012. 302 с.
9. Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. 742 с.
10. Петрова М. А. Екатерина II и Иосиф II: Формирование российско-австрийского союза: 1780–1790. М.: Наука, 2011. 419 с.
11. Петрухинцев Н. Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). М.: Политическая энциклопедия, 2014. 1062 с.
12. Ржеуцкий В. В тени Шувалова. Французский культурный посредник в России барон де Чуди [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2010. № 5. URL: <https://www.nlobooks.ru> (дата обращения: 03.05.2022).
13. Семёнов П. Н. Биографические очерки сенаторов. М.: Общество истории и древностей российских при Московском университете, 1886. 229 с.
14. Сухопутный шляхетный кадетский корпус (ныне 1-й Кадетский корпус) при графе Минихе: исторический очерк. Вып. 1 / сост. П. Лузанов. СПб.: Книгопечатня Шмидт, 1907. 188 с.
15. Федюкин И. Граф А. И. Остерман и проект реформирования Морской академии // «Регулярная академия учреждена будет...»: образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / сост. И. Федюкин, М. Лавринович. Т. 11. М.: Новое издательство, 2015. С. 176–179.

REFERENCES

1. Algarotti F. *Viaggi di Russia* (Rus. ed.: Talalaya M., transl. *Russkiye puteshestviya. Pisma o Rossii*. St. Petersburg, Kriga Publ., 2006. 173 p.).
2. Anisimov E. V. *Vremya petrovskikh reform* [Time of Peter's reforms]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1989. 496 p.
3. Anisimov M. Yu. *Rossiyskaya diplomatiya v Yevrope v seredine XVIII veka: Ot Akhenskogo mira do Semiletney voyny* [Russian diplomacy in Europe in the middle of the 18th century: From the Treaty of Aachen to the Seven Years' War]. Moscow, Tovarishestvo nauchnykh izdaniy KMK Publ., 2012. 344 p.
4. Egorov V. I. *Golshtinskiye voyska i dvortsovyy perevorot 1762 goda* [Holstein troops and the palace coup of 1762]. Moscow, Fond «Russkiye Vityazi» Publ., 2016. 120 p.
5. Emelina M. A. [Alexey Petrovich Bestuzhev-Ryumin]. In: *Voprosy istorii* [Questions of history], 2007, no. 7, pp. 29–45.
6. Ivonina L. I. *Voyna za ispanskoye nasledstvo* [War of the Spanish Succession]. Smolensk, SmolGU Publ., 2010. 318 p.
7. Kornetov G. B. *Reformatory obrazovaniya v istorii zapadnoy pedagogiki* [Education reformers in the history of Western pedagogy] Moscow, ASOU Publ., 2007. 119 p.
8. Kurukin I. V. *Anna Leopoldovna* [Anna Leopoldovna]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2012. 302 p.
9. Milyukov P. N. *Gosudarstvennoye khozyaystvo Rossii v pervoy chetverti XVIII stoletiya i reforma Petra Velikogo* [The state economy of Russia in the first quarter of the 18th century and the reform of Peter the Great]. St. Petersburg, 1905. 742 p.
10. Petrova M. A. *Ekaterina II i Iosif II: Formirovaniye rossiysko-avstriyskogo soyuza: 1780–1790* [Catherine the Great and Joseph II: Formation of the Russian-Austrian Union: 1780–1790]. Moscow, Nauka Publ., 2011. 419 p.
11. Petrukhintsev N. N. *Vnutrennyaya politika Anny Ioannovny (1730–1740)* [Internal policy of Anna Ioannovna (1730–1740)]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2014. 1062 p.
12. Rzhutsky V. [In the shadow of Shuvalov. French cultural mediator in Russia Baron de Tschudy]. In: *Novoye literaturnoye obozreniye* [New Literary Review], 2010, no. 5. Available at: <https://www.nlo-books.ru> (accessed: 03.05.2022).
13. Semyonov P. N. *Biograficheskiye ocherki senatorov* [Biographical sketches of senators]. Moscow, Obshchestvo istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete Publ., 1886. 229 p.
14. Luzanov P., ed. *Sukhoputnyy shlyakhetnyy kadetskiy korpus (nyne 1-y Kadetskiy korpus) pri grafe Minikhe: istoricheskiy ocherk. Vyp. 1* [Land gentry cadet corps (now the 1st cadet corps) under Count Minich: a historical essay. Issue 1]. St. Petersburg, Knigopечатnya Shmidt Publ., 1907. 188 p.
15. Fedyukin I. [Graf A. I. Osterman and the project of reforming the Naval Academy]. In: Fedyukin I., Lavrinovich M., eds. *«Regulyarnaya akademiya uchrezhdena budet...»: obrazovatelnyye proyekty v Rossii v pervoy polovine XVIII veka. T. 11* [«The regular academy will be established ...»: educational projects in Russia in the first half of the 18th century. V. 11]. Moscow, Novoye izdatelstvo Publ., 2015, pp. 176–179.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Фанталов Алексей Николаевич – кандидат культурологии, доцент, старший преподаватель Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования;
e-mail: fantalov@mail.ru

Малызина Маргарита Александровна – специалист 1-й категории учебного управления Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена;
e-mail: malyzinamaggi@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexey N. Fantalov – Cand. Sci. (Cultural Studies), Assoc. Prof., Senior Lecturer, St. Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education;
e-mail: fantalov@mail.ru

Margarita A. Malyazina – the 1st Category Specialist, Educational Department, The Herzen State Pedagogical University of Russia;
e-mail: malyzinamaggi@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Фанталов А. Н., Малязина М. А. Историко-культурные предпосылки исторической динамики изменений высшего образования в Санкт-Петербурге в XVIII веке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 3. С. 50–59.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-3-50-59

FOR CITATION

Fantalov A. N., Malyazina M. A. Historical and cultural prerequisites of the historical dynamics of changes in higher education in St. Petersburg in the 18th century. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 3, pp. 50–59.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-3-50-59